

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: 10.15372/HSS20200201
УДК 39+303.01(571)"15/17"

А.Ю. МАЙНИЧЕВА

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОЛИ СИМВОЛОВ И ЗНАКОВ В МИРОВОЗЗРЕНИИ РУССКИХ В СИБИРИ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVIII в.

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

В статье дан обзор современных отечественных и зарубежных исследований, выполненных в рамках различных гуманитарных дисциплин, осуществлен анализ роли символов и знаков в мировоззрении переселенцев из европейской части страны в Сибирь. Исследования отечественных ученых проводились с использованием подходов истории, археологии, исторической этнографии, искусствоведения, архитектуры. Объектом изучения выступали преимущественно конкретные аутентичные и заимствованные символы и знаки, включая знаки социального статуса, обережные и магические символы и знаки, символы исторических реалий, архитектурных православных символов, иконографии, включая символы, связанные с православием и утверждением роли государства. Рассмотрены теоретические работы отечественных и зарубежных исследователей в области социологии и психологии. Они могут быть методологической основой для изучения указанных символов и знаков. Специальные теоретико-методологические работы, которые базировались бы на сибирских материалах конца XVI – начала XVIII в., отсутствуют, как и обобщающие исследования, в которых рассматривались закономерности динамики символично-знаковой сферы миграционного сообщества на примере русских в Сибири.

Ключевые слова: символы, знаки, мировоззрение, русские, православие, архитектура, иконография, Сибирь

A.YU. MAINICHEVA

MODERN RESEARCH OF THE ROLE OF SYMBOLS AND SIGNS IN THE WORLDVIEW OF RUSSIANS IN SIBERIA AT THE END OF THE 16th – BEGINNING OF THE 18th CENTURIES

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Acad. Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

An active Russian colonization of Siberian lands took place in the late XVI – early XVII centuries. The processes of adaptation to new conditions at various levels, including the level of the worldview, occurred. In order to understand the role of symbols and signs in the worldview of immigrants who came from the European part of the country to Siberia, the author sets a goal to identify and analyze the work of modern researchers in various humanitarian disciplines studying this topic. To achieve the goal, the author studied foreign and domestic publications of the XX-XXI centuries, having undertaken a continuous review of publications. The depth of the historiographic survey covered the first half of the 1950s with single excursions to the earlier period. The author revealed more than two thousand works written by more than two hundred and fifty researchers, the closest of which to the study are considered in the article.

The analysis showed that studies on the role of symbols and signs in Siberia during the XVI-XVIII centuries in the framework of historical disciplines, art criticism, history of architecture were carried on by domestic scientists. They researched specific symbols and signs, both authentic

---

Анна Юрьевна Майничева – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: annmaini@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0784-4252>

Anna Yu. Mainicheva – Doctor of Historical Sciences, Leading Research, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

and borrowed, including signs of social status, charms and magic symbols and signs, symbols of historical realities, architectural Orthodox symbols, iconography, and symbols associated with Orthodoxy and the affirmation of the role of state and government. In studying the role of symbols and signs in the worldview of established communities and immigrants, the theoretical works of domestic and foreign researchers in the field of sociology and psychology stand apart. They are indirectly related to investigating the role of symbols and signs in Siberia, but can be used as a methodological basis. There are no special theoretical and methodological works based on Siberian materials from the late XVI – early XVIII centuries, as well as there is no comprehensive generalizing study of dynamics in the symbolic sphere of the migration community evidently for Russians in Siberia.

Key words: symbols, signs, worldview, Russians, Orthodoxy, architecture, iconography, Siberia

ВВЕДЕНИЕ

В конце XVI – начале XVIII в. происходила активная русская колонизация сибирских земель, осуществлялись процессы адаптации к новым условиям на различных уровнях, включая мировоззренческий. Для понимания роли символов и знаков в мировосприятии переселенцев из европейской части страны в Сибирь необходим анализ работ современных исследователей, работающих в рамках различных гуманитарных дисциплин по указанной теме. Для достижения указанной цели рассматривались зарубежные и отечественные публикации XX–XXI вв. Был предпринят сплошной просмотр работ. Технология поиска включала создание перечня исследователей, в трудах которых могла затрагиваться тема символа и знака. Список исследователей был составлен путем экспертных бесед, анализа списков участников двенадцати конгрессов антропологов и этнологов России, девяти конференций «Этнография Алтая и сопредельных территорий», страниц с библиографиями сотрудников на сайтах научных и учебных учреждений. Глубина историографического обзора охватывала первую половину 1950-х гг. (с единичными углублениями в более ранний период). Выявлено более 2 тыс. работ, принадлежащих перу свыше 250 исследователей. Наиболее близкие к теме нашего исследования рассмотрены в настоящей статье. Обзор касается избранных значимых работ, поэтому намеренно был выпущен блок теоретических работ по семиотике (например, работы Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова, Б.А. Успенского и их последователей), хотя автор присоединяется к мнению о том, что с семиотической точки зрения культура представляет собой язык или совокупность языков, распределенных по своим функциям; с помощью знаковых систем народ поддерживает и оберегает свои ценности, своеобразия своей культуры и ее связи с окружающим миром (см., например: [1]). Вместе с тем в обзор включены некоторые работы исследователей, обращавшихся в аспекте символично-знаковой тематики к теоретическим вопросам формирования наций и социальным коммуникациям, так как эти процессы необходимо изучать для понимания этносоциальной ситуации в Сибири конца XVI – начала XVIII в. После подробного знакомства с трудами из выборки по теме историографического обзора был составлен тематический рубрикатор, по которому можно с некоторой долей условности распределить работы по ряду тем в историческом, археологическом, этнографическом, искусствоведческом, историко-архитектурном, социологическом и психологическом аспектах.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛОВ И ЗНАКОВ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

В работах, основанных на русскоязычных письменных источниках XVII в., имеются сюжеты, посвященные бытованию конкретных символов и знаков у исторических мигрантов, и анализ их влияния на мировоззрение мигрантов. Множество деталей приведено в работах С.В. Бахрушина. На основе своих многочисленных архивных находок он делает вывод о большом разнообразии предметов в быте русских переселенцев в Сибири, вещный мир которых включал разные этнические и культурные традиции, самые последние технические изобретения. Все это выводило сибирскую окраину на общероссийский уровень развития [2, с. 65]. В монографии А.Н. Копылова описываются предметы, которые использовали в своей профессиональной деятельности земледельцы, промысловики и торговцы. Он писал, что обмен предметами со всем их символично-знаковым наполнением проводился активно в Енисейском уезде и к концу XVII в. данная территория была включена в общероссийский рынок товаров [3, с. 269–270]. В работах О.Н. Вилкова дается внушительный список предметов, которые ввозились в Сибирь и вывозились из нее. Многие из них он атрибутировал, а также классифицировал изображения на восковых печатях [4, с. 105–106]. А. А. Преображенский сделал выборку материалов по запасам, которые находились в хозяйстве дворянской знати в Сибири в начале XVII в. Он отметил, что большое значение придавалось культовым предметам, а именно иконам, крестам и подсвечникам [5, с. 277]. Интересны также исследования Д.Я. Резуна, касающиеся предметного мира сибирского горожанина XVII в. Автор отметил, что ассортимент и количество предметов культуры позволяли горожанам овладевать в полной мере всем спектром символических и знаковых аспектов актуальной русской культуры [6, с. 35].

Н.Д. Зольникова и Н.Н. Покровский показали, что утверждение православия в Сибири не носило для переселенческого населения однозначного характера. С одной стороны, оно было необходимо в целях поддержки самосознания, а с другой – непримиримость церковнослужителей к традиционным религиям сибирских народов уменьшала пространство для маневра в процессе межэтнического общения. В результате у переселенцев сформировалась не только властная, но и сакральная составляющая военной и дипломатической деятельности. На примере текстов, тиражируемых в Тобольской епархии, Н.Д. Зольникова делает

вывод о том, что они дополняли символическую основу, выстроенную церковной архитектурой и иконами, и были направлены на утверждение божественного провиденциализма в региональной истории, участниками которой становились в том числе и рядовые переселенцы [7, с. 84, 8, с. 37–38].

В.Н. Курилов, представляя обзор шатрового стиля в сибирской архитектуре XVII в., писал о единстве переселенцев в Сибири и жителей европейской части России. Единая стилевая окрашенность, проявившаяся в архитектуре, помогала в символическом и социально-психологическом плане «русским колонистам, направлявшимся с “Руси”, постоянно ощущать связь» Руси и Сибири и уже с самого раннего периода считать последнюю неотъемлемой частью России [9, с. 98]. В.Н. Курилов писал о применении христианских символов при строительстве и перестройке дворовых строений и изб, полагая, что символы использовались с обереговыми функциями [10, с. 37]. Он доказывал огромное значение символа креста для первопроходцев, которые ставили его на мало освоенных территориях [11, с. 70]. В своей работе по использованию шатрового стиля в сибирской архитектуре он отмечал, что многие элементы сохранялись на протяжении всего XVII в., когда эта традиция в европейской части страны стала исчезать. Данное обстоятельство может свидетельствовать о том, что существовала традиция передачи символической и знаковой стороны в среде сибирских зодчих, выполнявших работы по культовому строительству [12, с. 105]. И.Л. Манькова показала, что, возводя православные культовые сооружения, русские символически утверждали свой приход на данную территорию, причем они не убирали и старый иноконфессиональный слой. Культовые сооружения лишь физически и символически проводили границы, выполняя «территориальное разграничение с помощью сакральных объектов»; на ранних этапах православного зодчества в Сибири превалировала «сакральная функция защиты», символом при этом во многих городах Сибири становились мужские монастыри, построенные на границах городских агломераций [13, с. 69].

Развивая направление исторической и культурной географии, историки считают, что изменение ландшафта происходило на символическом уровне, причем в Сибирь переносились, как правило, символы, апробированные многовековой историей российской культуры [14, с. 24–25]. В рамках изучения темы становления геральдики и сфрагистики государственных учреждений в Сибири появились работы, затрагивающие влияние этих объектов на традиционное мировоззрение переселенцев. Документально и на основе археологических раскопок показано значение, которое вкладывалось в государственную символику на уровне общественного сознания; с помощью этих символов государству придавался сакральный смысл и тем самым освящались принимаемые решения и общая политика [15, с. 45–46, 16, с. 315]. Установлено, что уже на ранних этапах символы государственной власти

позволяли не только утверждать центральную власть в Сибири, но и закладывать основы для региональной идентичности, что впоследствии нашло отражение и в областнических настроениях [17, с. 88].

Среди работ, посвященных изучению амуниции, полковых реликвий военно-служилого населения Сибири в XVII в., следует отметить исследования о роли символов и знаков в мировоззрении переселенцев. Н.И. Никитин полагает, что военная символика в Сибири не отличалась от общепринятой в армии Московского государства и что невозможно говорить о специфике служивых людей в Сибири и каком-то особенном влиянии на их мировоззрение [18, с. 223]. Е.В. Вершинин посвятил одну из статей речным и морским судам, которые использовали сибирские переселенцы в XVII в. Иконографические символы с образами растительного и животного мира в резных фигурах на корме судов и сюжетах на иконах, которые прикрепляли внутри кают, в Сибири не отличались от общерусской традиции и были связаны с северной поморской культурой [19, с. 127]. А.С. Зуев провел исследование русско-аборигенных отношений на Крайнем Северо-Востоке Сибири и описал роль знакового и символического обмена в процессе установления формальных отношений. Он показал, как разница в интерпретации одних и тех же символических объектов порождала непонимание и являлась конфликтогенным фактором [20, с. 129–130].

Круг исследований по проблемам символов и знаков, рассматриваемых в рамках исторических наук, довольно широк. Работы часто имеют междисциплинарный характер, в них использованы подходы истории и теории архитектуры, исторической этнографии, культурной географии, археологии, религиоведения, психологии.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛОВ И ЗНАКОВ В КУЛЬТУРЕ РУССКИХ В СИБИРИ ПО МАТЕРИАЛАМ XVII в.

Огромный вещный мир русских переселенцев открылся перед исследователями после раскопок за Северным Полярным кругом в 1940–1960-е гг. Археологи на основании материалов раскопок считают, что Сибирь в указанное время отличается большей степенью распространения знаков на вещах, чем в европейской части страны [21, с. 7–8, 22, 23]. Этот тезис подтвержден результатами второй волны раскопок в Мангазее – в 2000-е гг. удалось обнаружить предметы, указывающие на существование строительных обрядов и соответствующих знаков [24, с. 37], женских украшений с наличием магической символики [25, с. 308–309].

Нательные кресты из культурного слоя XVII–XVIII в. также стали предметом не только описания и систематизации, но и аналитической работы археологов. В.И. Молодин на материалах раскопок в Илимском остроге сделал вывод о существовании сибирской традиции меднолитейного дела. В форме и деталях изображений на нательных крестах им зафиксированы

проявления сибирских исторических реалий и влияние аборигенных культур [26, с. 16, 70, 86]. Взаимовлияние христианства и традиционных верований селькупов на примере крестов-тельников отмечала А. И. Боброва [27, с. 28].

В исследованиях С.Ф. Татаурова, Л.В. Татауровой и Ф.С. Татаурова делается вывод о большой доле символической составляющей в предметах культуры русских из г. Тары в XVII в., детальный анализ которой позволяет раскрыть многие стороны мировоззрения русских поселенцев, а также их адаптационный потенциал [28, с. 11–13]. Л.А. Бобров рассмотрел сибирские панцири русских казаков в аспекте влияния традиций коренных народов Сибири, показав, что некоторые заимствованные элементы следует объяснить не улучшением «материальных и технических» свойств, а их отнесением «к сфере духовной культуры» [29, с. 95–96]. Ю.С. Худяков обратил внимание на «глубокую символичность» и «иносказательность» защитного и наступательного вооружения русских казаков в период первого похода в Сибирь [30, с. 195–196]. М.П. Черная отметила, что связи с европейской частью страны поддерживались не только притоком населения и предметов материальной культуры, но и знаково-символьным обменом. По мере развития региона этот обмен приобрел двухсторонний характер, и сибирское локальное сообщество обогатилось новыми сибирскими заимствованиями [31, с. 49–50].

Научные работы по материалам археологических раскопок русских поселений Сибири в XVII в. содержат информацию, которая частично раскрывает значение конкретных символов и знаков в традиционном мировоззрении русских в Сибири. Выводы этих исследований могут быть использованы при характеристике символично-знаковой сферы миграционного сообщества в XVII в.

ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛОВ И ЗНАКОВ СИБИРСКОГО СООБЩЕСТВА XVII – XVIII вв. ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Ряд исследований, касающихся символично-знаковой сферы сибирского сообщества, выполнен в рамках исторической этнографии. Знаково-символической стороне военной деятельности и знакам статуса русских служилых людей в Сибири посвящены исследования Н.А. Березикова и А.А. Люцидарской. Ими было показано, что знамена использовались в качестве символической самоидентификации на коллективном и личностном уровнях, в межгрупповых коммуникациях и бытовой сфере [32, с. 15–16]. Знаками «детей боярских», выделяющих их из сибирского сообщества, можно считать их стабильное материальное положение и близость к властным структурам. Так, фискальный источник учета отопляемых помещений г. Томска начала XVIII в. показывал статус и благополучие горожан [33, 34].

Для первых построек колонистов Сибири была характерна вариативность знаковых функций защиты, идентичности, ограждения и изоляции [35, с. 137].

Отмечалось, что «знаковая организация вещной среды обитания являлась своеобразным способом закрепления существующих в данной общности системы социальных статусов и тем самым способствовала практической и психологической консолидации членов этой общности» [36, с. 156].

Анализ форм, символов и образов деревянных церквей Сибири XVII в., выполненный А.Ю. Майничевой, показал, что центральной функцией культового зодчества и искусства являлась защитная. На первый план для основной массы переселенцев выступало чувство безопасности, что достигалось в том числе при помощи архитектурных форм, декора и сакральных предметов церковного обихода, «поэтому именно тогда большое значение приобрели символические аспекты в обживании новых территорий, в принципах внутренней организации поселений и в самих сооружениях...», что диктовалось символично-защитным смыслом такой композиции» [37, с. 53].

Рассматривая архитектуру как семиотическую систему, А.Ю. Майничева считает, что в Тобольске проявился «символизм в организации всего поселения», показав Тобольск не только как часть России, но и как «часть святой земли христианской ойкумены» [37, с. 39, 48]. Храмы в Сибири несли также «функцию мемориальных построек», ставя памятник русскому освоению Сибири [37, с. 52]. Религиозно-мировоззренческие аспекты адаптации культуры русских в одной из самых символично наполненных сфер – архитектуре – обеспечивали русским «создание духовного комфорта в условиях освоения новых территорий и совместной жизни с народами, следовавшими другим социальным и религиозным нормам» [38, с. 71]. Природные объекты и культовые постройки использовались землепроходцами как маркеры-символы осваиваемого пространства. Они «создавали психологическую комфортность пребывания на новых землях... и обеспечивали православным ощущением причастности к жизни всей страны, покровительства со стороны высших сил» [39, с. 76], а также являлись знаками границ территорий [40]. На примере микротопографических исследований Томска начала XVIII в. показано, что территории городов формировались стихийно, однако каждый участок всегда обозначался символом, привычным для жителей и связывающим их с общерусской традицией [41, с. 75–76]. Интерьерное наполнение построек русских колонистов подтверждает тезис о том, что при помощи воспроизводства традиционных символов русские переселенцы превращали свои новые места обитания в обжитые пространства даже в условиях радикально меняющихся ландшафтов и климата [42, с. 36].

Средства архитектуры выступали в различных формах и выполняли различные функции – оборонно-управленческие, культовые, а также обеспечения хозяйственными, производственными, торговыми постройками, и являлись значимым способом символического освоения русскими Сибири. Символы и знаки, входя в мировоззренческую систему, использовались

для адаптации в новой для переселенцев среде. Закрепление символического содержания в материальном мире обеспечивало освоение реальности, понимание взаимосвязи символов на разных социальных уровнях, в том числе личностном. Символы устойчиво сохранялись в условиях преобразования архитектурной среды – во многом благодаря сохраняющейся этнокультурной определенности мировосприятия русских как движущегося этноса с самосознанием оседлого. [43, 44, 45].

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛОВ И ЗНАКОВ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

Среди работ искусствоведов и историков архитектуры, касающихся избранной темы, следует выделить публикации, в которых рассмотрены роль и значение конкретных символов и знаков в традиционном мировоззрении переселенцев из европейской части страны в Сибири. Н.Г. Велижанина отмечала, что тематическое разнообразие икон в Сибири было напрямую связано с местами выхода переселенцев и родом их занятий, причем в XVII в. превалировало иконопочитание в честь отдельных святых, тогда как в более позднее время типичными стали образы великих церковных событий и праздников. Исследовательница объясняет эту перемену социально-психологическими подвижками в мировосприятии переселенцев, у которых снижалось значение индивида и малых групп в пользу общин и больших коллективов [46, с. 42]. Историки архитектуры отмечают символическую нагрузку русской сибирской архитектуры. По мнению Н.П. Крадина, строительство крепостей в Сибири «способствовало подъему и укреплению духа русского человека, а затем объединению этих земель и созданию многонационального Русского государства». Он подчеркивает, что большинство крепостей «выполняли свою функцию символически и не подвергались осадам и пушечным ударам» [47, с. 51]. Оборонная архитектура помогала связывать Сибирь и Русь в мировосприятии русского человека XVII в., «закалялась воля, и поднимался дух русского народа, и уже никакая лавина нашествия не могла сломить этого подъема» [47, с. 4]. Е.А. Ополовникова, рассмотрев русские крепости в Восточной Сибири за Полярным кругом, также подчеркивала высокую символическую нагрузку, которую они несли в мировосприятии русского населения. Высокие и массивные крепостные сооружения восполняли малочисленность русского населения при маркировании этой территории как российской в процессе ее присоединения [48, с. 70].

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛОВ И ЗНАКОВ В ОБЩЕСТВЕ

Несмотря на то, что в области социологии не выявлены работы, непосредственно посвященные роли символов и знаков в мировоззрении мигрантов в Си-

бирь в рассматриваемый период, можно выделить работы Дж. Г. Мида [49, с. 216]. Американский философ, социолог и социальный психолог Джордж Герберт Мид считается родоначальником концепции символического интеракционализма, в которой термин «значимый символ» входит в понятийный инструментарий. Символический интеракционизм основывается на интерпретации поведения человека, в котором можно найти значимые символы, несущие социальную информацию. Особенность интеракции заключается в том, что люди осмысливают и объясняют действия друг друга, а не просто реагируют на них. «Значимый символ» обозначает жест человека, сознательно используемый во взаимодействии с социальной средой для коммуникации с другим индивидом, и обладает понятным значением для обоих. Концепция символического интеракционализма используется в социологии, культурологии и социальной психологии, изучающих символические коммуникации как одну из форм социального взаимодействия, т.е. общения с помощью языка, телодвижений, жестов, культурных символов и сексуальных предпочтений.

Последователем и учеником Дж. Г. Мида стал социолог и социальный психолог Г. Блумер, развивший концепцию символического интеракционизма [50, р.3]. Он утверждает, что символическое взаимодействие обусловлено символической природой языка как основного фактора взаимодействия людей. В общении язык вызывает одинаковую реакцию разных людей на языковые конструкции. Подобный подход используется в коммуникативной антропологии.

Социолог Э.Д. Смит выдвинул концепцию этносимволизма [51, 52, 53], преимуществом которой автор назвал формирование инструментария для выполнения сравнительных эмпирических исследований «внутреннего мира» наций (*inner world*), признаками которого являются такие культурные феномены, как мифы, символы, ценности, историческая память, традиции, обычаи, языковая близость, механизмы этнической мобилизации, причем в этнографических исследованиях должны изучаться не столько они сами, сколько их роль в формировании той или иной идентичности. Инструментарий этносимволизма может быть эффективен при использовании в этнографических исследованиях, выполняемых в сравнительно-историческом аспекте относительно определения роли символов [54].

С психологической точки зрения, символ неразрывно связан с коллективным бессознательным. По мнению К.Г. Юнга и других сторонников «аналитической психологии», символ всегда больше, чем рациональное понятие, потому что уходит корнями в бессознательное [55, с. 91–97]. Психологи обращают особое внимание на значимость коммуникационной составляющей: каждая культура в процессе своего развития создает различные системы символов, призванных выступать своеобразными кодами для ее носителей, и личность, чтобы стать «своей» в культуре, должна

освоить эти коды. В реальном общении символ никогда не сводится к одному определенному значению, он – всегда комплекс возможностей и смысловых перспектив. В истории человечества создано огромное количество символов, регулирующих поведение индивидов в социуме и помогающих осуществлять их совместную деятельность [56, с. 97 – 106].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отечественными учеными XX–XXI в. роль символов и знаков, бытовавших в Сибири в XVI – начале XVIII в., изучалась в рамках исторических дисциплин, искусствоведения, истории архитектуры. Преимущественно рассматривались конкретные символы и знаки, как аутентичные, так и заимствованные, включая знаки социального статуса, обережные и магические символы и знаки, символы исторических, архитектурных и православных реалий, иконографии и символика, связанная с утверждением роли государства и власти. В изучении роли символов и знаков в мировоззрении сложившихся сообществ и переселенцев особняком стоят теоретические работы отечественных и зарубежных исследователей в области социологии и психологии. Они опосредованно связаны с изучением роли символов и знаков в Сибири, но могут быть использованы как методологическая основа. Специальные теоретико-методологические работы, которые были бы построены на сибирских материалах конца XVI – начала XVIII в., отсутствуют, как и комплексные обобщающие исследования по установлению закономерностей динамики символично-знаковой сферы миграционного сообщества на примере русских в Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Успенский Б.А.* Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. 608 с.
2. *Бахрушин С.В.* Торги гостя Никитина в Сибири и Китае // Сборник статей памяти А.Н. Савина. 1873–1923. М., 1926. Вып. 1. С. 18–60.
3. *Копылов А.Н.* Русские на Енисее: Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1965. 295 с.
4. *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля в Западной Сибири в XVII веке. М.: Наука, 1967. 324 с.
5. *Преображенский А.А.* «Запасы» дворянской знати на сибирской службе в начале XVII в. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 274–279.
6. *Резун Д. Я.* Рынок предметов и товаров культуры в сибирских городах XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 40–45.
7. *Зольникова Н.Д.* Традиции православия в Сибири. Конец XVI–XIX вв. // Сибирская икона. Омск: Наука, 1999. С. 10–34.
8. *Покровский Н.Н.* Русская Православная Церковь в освоении Сибири // Электронный журнал Сибирская заимка. 2001. URL: <http://zaimka.ru/religion/pokrovsky1.shtml> (дата обращения: 10.02.2019).
9. *Курилов В.Н.* Из истории шатрового зодчества в Сибири XVII в. // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 81–102.
10. *Курилов В.Н.* Изба Поломошных // Историко-архитектурный музей под открытым небом: принципы и методика организации. Новосибирск: Наука, 1980. С. 23–31.
11. *Курилов В.Н.* Крест на перекрестке: свидетельство XVII столетия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2004. Т. 10, ч. 2. С. 69–72.
12. *Курилов В.Н.* Шатровый стиль в русском зодчестве (методологические и историографические заметки) // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 85–108.
13. *Манькова И.Л.* Мужской монастырь в православном ландшафте Тобольска XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 67–70.
14. *Резун Д.Я., Курилов В.Н.* К проблеме генезиса культурно-исторического ландшафта Сибири // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 6–27.
15. *Куренная И.Г.* Генезис и основные признаки символики бобра в гербе Иркутской области // Изв. Иркут. гос. ун-та. История. 2012. № 1. С. 40–51.
16. *Аношко О.М., Алиева Т.А.* Прикладные печати из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 315–319.
17. *Шиловский М.В.* Сибирская региональная символика // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1999. С. 87–90.
18. *Никитин Н.И.* О менталитете русских землепроходцев // Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2016. С. 212–233.
19. *Вершинин Е.В.* Дошаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 87–131.
20. *Зуев А.С.* Русские и аборигены на Крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. 330 с.
21. *Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазей. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981. Ч. 2. 184 с.
22. *Окладников А.П.* Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М.; Л., 1948. 210 с.
23. *Порфиридов Н.Г.* Надписи на ножах русских мореходов XVII в. // Советская археология. 1958. № 2. С. 29–38.
24. *Пархимович С.Г.* Магические строительные обряды в Мангазее // Культурное наследие народов Западной Сибири: Русские. Тобольск: б/и, 2004. С. 40–43.
25. *Лихтер Ю.А.* Стекланные бусы из Мангазеи (раскопки 2011–2012 годов) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 307–310.
26. *Молодин В.И.* Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. 248 с.
27. *Боброва А.И.* Нательные кресты с Тискинского могильника // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. № 4. С. 107–116.
28. *Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С.* Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веке (по материалам археологических исследований). Омск: Издатель–Полиграфист, 2014. 240 с.
29. *Бобров Л.А.* Сибирские панцири русских казаков (к вопросу о влиянии панцирного комплекса сибирских аборигенов на защитное вооружение русских служилых людей второй половины XVI–XVII вв.) // Para Bellum. Военно-исторический журнал. 2006. № 26. С. 77–98.
30. *Худяков Ю.С.* Оружие и экипировка русских казаков в период первого похода в Сибирь (по миниатюрам из Ремезовской летописи) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010. Ч. 1. С. 193–198.
31. *Черная М.П.* Европейский компонент в этнокультурном диалоге сибирского сообщества: археолого-исторический контекст // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. № 4. С. 46–52.

32. Березиков Н.А., Люцидарская А.А. Знамена сибирских казачьих землепроходцев // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013. № 2. С. 14–17.
33. Люцидарская А.А. Знаки, выделяющие среди сибирского сообщества категорию «дети боярские» от основной массы служилых людей // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. Т. 24. С. 419–421. DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.419-421.
34. Люцидарская А.А. Фискальный источник учета отапливаемых помещений Томска как знак благополучия горожан и символ социальной трансформации городской среды в начале XVIII века // Баландинские чтения: сб. стат. науч. чтений памяти С.Н. Баландина. 2019. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2019. Т. XIV. С. 53–55.
35. Люцидарская А.А. Знаковые функции первых построек колонистов Сибири // Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. М., 2003. С. 240.
36. Люцидарская А.А. Колонизация Сибири: человек и пространство // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 152–158.
37. Майничева А.Ю. Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 64 с.
38. Майничева А.Ю. Религиозно-мировоззренческие аспекты адаптации культуры русских в Сибири в XVII–XX вв. (на примере зодчества) // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск: АргИнфоДата, 2004. Вып. 2. С. 69–73.
39. Майничева А.Ю. Природные объекты и православные святыни: пространственные символы как маркеры коммуникативной среды первопроходцев Сибири в XVII–XVIII веках // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2010. Т. 9, № 1. С. 70–76.
40. Люцидарская А.А. Природные ландшафтные границы как знаки рубежей территорий // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 2. С. 40–44.
41. Люцидарская А.А. Социальная микротопография Томска в начале XVIII в. // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск: Наука, 1981. С. 63–78.
42. Майничева А.Ю., Степанцов И.С. Реконструкция печи в Спасской церкви из Зашиверска: мировоззренческие аспекты культуры жизнеобеспечения // Баландинские чтения. 2015. Т. 10, Ч. 1. С. 32–40.
43. Майничева А.Ю. Архитектура Сибири: символическое освоение пространства русскими // Баландинские чтения. 2018. Т. 13, № 1. С. 462–465.
44. Mainicheva A.Y., Skobelev S.G., Berezhenko D.Y. A Reconstruction of the Wooden and Earthen Buildings in 17th to 18th Century Russian Forts in Siberia: The Case of the Sayansky Ostrog // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2018. Vol. 46, is.4. P. 100–108. DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.4.100-108.
45. Люцидарская А.А. Мельницы сибирского региона в XVII веке как знаки становления и развития мукомольного производства // Баландинские чтения. 2018. Т. 13. С. 457–461. DOI 10.24411/9999-001A-2018-10037].
46. Велижанина Н.Г. О своеобразии иконописи Западной Сибири // Сибирская икона. Омск, 1999. С. 194–200.
47. Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 142 с.
48. Ополовникова Е.А. Русские крепости в сибирском Заполярье // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. – Новосибирск: Наука, 1989. С. 63–75.
49. Мид Дж. От жестка к символу // Американская социологическая мысль: тексты. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. 456 с.
50. Blumer H. Symbolic Interactionism. Perspective and Method. New Jersey, 1969. 208 p.
51. Smith A.D. Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic. L.: Blackwell Publishing, 2008. 245 p.
52. Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell Publishers, 1986. 240 p.
53. Smith A.D. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. N. Y.: Routledge, 2009. 184 p.
54. Майничева А.Ю. Этносимволизм: возможности использования в этнографических исследованиях // Культура в евразийском пространстве. 2019. №1 (3). С. 16–17.
55. Юнг К.Г., фон Франц М.Л., Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 1997. 368 с.
56. Хмиляр О.Ф. Символ как психологический код, регулирующий общение личности // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 35. С. 97–106.

REFERENCES

1. Uspenskiy B.A. Selected Works. Vol. 1. Semiotics of history. Semiotics of culture. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 1996, 608 p. (In Russ.)
2. Bakhrushin S.V. Bidding guest Nikitin in Siberia and China. *Sbornik statey pamyati A.N. Savina. 1873–1923*. Moscow, 1926, iss. 1, pp. 18–60. (In Russ.)
3. Kopylov A.N. Russians on the Yenisei: agriculture, industry and trade relations of the Yeniseisk Uyezd. Novosibirsk, Izd-vo SO AN SSSR, 1965, 295 p. (In Russ.)
4. Vilkov O.N. Craft and trade in West Siberia in the XVII century. Moscow, Nauka, 1967, 324 p. (In Russ.)
5. Preobrazhenskiy A.A. “Stocks” of the nobility in Siberian service in the early XVII century. *Rossiyskoe gosudarstvo v XIV-XVII vv.* Saint Petersburg, 2002, pp. 274–279. (In Russ.)
6. Rezun D.Ya. Market of cultural objects and goods in Siberian cities of the XVII century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2000, no. 2, pp. 40–45. (In Russ.)
7. Zolnikova N.D. Traditions of Orthodoxy in Siberia. The late XVI-XIX centuries. *Sibirskaya ikona*. Omsk, Nauka, 1999, pp. 10–34. (In Russ.)
8. Pokrovskiy N.N. The Russian Orthodox Church in the development of Siberia. *Sibirskaya zaimka: e-zhurnal*, 2001. URL: <http://zaimka.ru/religion/pokrovskiy1.shtml> (accessed 10.02.2019). (In Russ.)
9. Kurilov V.N. On the history of marquee architecture in Siberia of the XVII century. *Pamyatniki byta i khozyaistvennoe osvoenie Sibiri*. Novosibirsk, Nauka, 1989, pp. 81–102. (In Russ.)
10. Kurilov V.N. Polomoshnovs' izba. *Istoriko-arkhitekturnyy muzey pod otkrytym небом: printsipy i metodika organizatsii*. Novosibirsk, Nauka, 1980, pp. 23–31. (In Russ.)
11. Kurilov V.N. A cross at crossroads: evidence of the XVII century. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopedel'nykh territoriy*, 2004, vol. 10, pt. 2, pp. 69–72. (In Russ.)
12. Kurilov V.N. A tent style of Russian architecture (methodological and historiographical notes). *Problemy okhrany i osvoeniya kul'turno-istoricheskikh landshaftov Sibiri*. Novosibirsk, Nauka, 1986, pp. 85–108. (In Russ.)
13. Mankova I.L. Monastery in the Orthodox landscape of Tobolsk in the XVII century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2014, no. 4, pp. 67–70. (In Russ.)
14. Rezun D.Ya., Kurilov V.N. The problem of the cultural and historical landscape genesis in Siberia. *Problemy okhrany i osvoeniya kul'turno-istoricheskikh landshaftov Sibiri*. Novosibirsk, Nauka, 1986, pp. 6–27. (In Russ.)
15. Kurennaya I.G. Genesis and main signs of Babr symbolism in the coat of arms of the Irkutsk region. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya*, 2012, no. 1, pp. 40–51. (In Russ.)
16. Anoshko O.M., Aliyeva T.A. Applied seals from the cultural layer of Tobolsk. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk, Nauka, 2017, pp. 315–319. (In Russ.)
17. Shilovskiy M.V. Siberian regional symbolism. *Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri kontsa XVI–XX vekov*. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, 1999, pp. 87–90. (In Russ.)

18. Nikitin N.I. On the mentality of Russian explorers. *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii do 1917 g.* Moscow, IRI RAN, 2016, pp. 212–233. (In Russ.)
19. Vershinin E.V. Doshchanik and koch in West Siberia (the XVII century). *Problemy istorii Rossii.* Ekaterinburg, 2001, iss. 4, pp. 87–131. (In Russ.)
20. Zuev A.S. Russians and natives at the extreme northeast of Siberia in the second half of the XVII – the first quarter of the XVIII centuries. Novosibirsk, NGU, 2002, 330 p. (In Russ.)
21. Belov M.I., Ovsyannikov O.V., Starkov V.F. Mangazeya. The material culture of Russian polar seafarers and explorers of the XVI–XVII centuries. Pt. 2. Moscow, 1981, 184 p. (In Russ.)
22. Okladnikov A.P. Russian polar sailors off the coast of Taimyr in the XVII century. Moscow, Leningrad, 1948, 210 p. (In Russ.)
23. Porfiridov N.G. Inscriptions on the knives of Russian sailors of the XVII century. *Sovetskaya arkheologiya*, 1958, no. 2, pp. 29–38. (In Russ.)
24. Parkhimovich S.G. Magical building ceremonies in Mangazeya. *Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri: Russkie. Tobol'sk*, 2004, pp. 40–43. (In Russ.)
25. Likhter Yu.A. Glass beads from Mangazeya (excavations in 2011–2012). *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh.* Omsk, Nauka, 2017, pp. 307–310. (In Russ.)
26. Molodin V.I. Cross-vests of the Ilim Ostrog. Novosibirsk, INFOLIO, 2007, 248p. (In Russ.)
27. Bobrova A.I. Pectoral crosses from the Tiskinsky burial ground. *Arkheologiya, ehnoGRAFIYA, antropologiya Evrazii*, 2004, no. 4, pp. 107–116. (In Russ.)
28. Tataurova L.V., Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tikhomirov K.N., Tikhonov S. S. Russian adaptation in West Siberia in the late 1XVI – XVIII centuries (based on archaeological research). Omsk, Izdatel' Polygrafist, 2014, 240 p. (In Russ.)
29. Bobrov L.A. Siberian shells of Russian Cossacks (on the issue of the influence of the shell complex of Siberian aboriginals on the defensive armament of Russian servicemen of the second half of the XVI – XVII centuries). *Para Bellum. Voенно-istoricheskiy zhurnal*, 2006, no. 26, pp. 77–98. (In Russ.)
30. Khudyakov Yu.S. The weapons and equipment of Russian Cossacks during the first campaign to Siberia (in miniatures from Remezov's Chronicle). *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy.* Kazan', 2010, pt. 1, pp. 193–198. (In Russ.)
31. Chernaya M.P. The European component in the ethnocultural dialogue of the Siberian community: archaeological and historical context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya*, 2016, no. 4, pp. 46–52. (In Russ.)
32. Berezikov N.A., Lyutsidarskaya A.A. Banners of Siberian Cossack explorers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya*, 2013, no. 2, pp. 14–17. (In Russ.)
33. Lyutsidarskaya A.A. Signs distinguishing the category of “boyar children” from the bulk of the service people among the Siberian community. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*, 2018, vol. 24, pp. 419–421. DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.419-421. (In Russ.)
34. Lyutsidarskaya A.A. The fiscal source of accounting the heated premises in Tomsk as a sign of well-being of citizens and a symbol of the social transformation of the urban environment at the early XVIII century. *Balandinskie chteniya*, 2019, vol. 14, pp. 53–55. (In Russ.)
35. Lyutsidarskaya A.A. Significant functions of the first buildings of the colonists in Siberia. *Kongress etnografov i antropologov Rossii: tezisy dokladov.* Moscow, 2003, p. 240. (In Russ.)
36. Lyutsidarskaya A.A. Colonization of Siberia: human and space. *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura.* Novosibirsk, 1997, pp. 152–158. (In Russ.)
37. Mainicheva A.Yu. Wooden churches of Siberia of the XVII century: forms, symbols, images. Novosibirsk, IAET SB RAS, 2000, 64 p. (In Russ.)
38. Mainicheva A.Yu. Religious-worldview aspects of adaptation of Russian culture in Siberia in the XVII–XX centuries (an architecture case). *Problemy mezhetnicheskogo vzaimodeystviya narodov Sibiri.* Novosibirsk, 2004, iss. 2, pp. 69–73. (In Russ.)
39. Mainicheva A.Yu. Natural objects and Orthodox shrines: spatial symbols as markers of the communicative environment of Siberian pioneers in the XVII–XVIII centuries. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2010, vol. 9, no. 1, pp. 70–76. (In Russ.)
40. Lyutsidarskaya A.A. Natural landscape boundaries as signs of the boundaries of territories. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2019, no. 2, pp. 40–44. (In Russ.)
41. Lyutsidarskaya A.A. Social microtopography of Tomsk in the early XVIII century. *Sibirskie goroda XVII – nachala XX veka.* Novosibirsk, Nauka, 1981, pp. 63–78. (In Russ.)
42. Mainicheva A.Yu., Stepantsov I.S. Reconstruction of the furnace in the Spasskaya Church from Zashiversk: worldview aspects of life support culture. *Balandinskie chteniya*, 2015, vol. 10, iss. 1, pp. 32–40. (In Russ.)
43. Mainicheva A.Yu. Siberian architecture: symbolic exploration of space by Russians. *Balandinskie chteniya*, 2018, vol. 13, no. 1, pp. 462–465. (In Russ.)
44. Mainicheva A.Yu., Skobelev S.G., Berezhenko D.Y. Reconstruction of the wooden and earthen buildings in 17th to 18th century Russian forts in Siberia: the case of Sayansky Ostrog. *Archeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, iss. 4, pp. 100–108. DOI: 10.17746 / 1563-0102.2018.46.4.100-108.
45. Lyutsidarskaya A.A. Mills of the Siberian region in the XVII century as signs of formation and development of flour milling. *Balandinskie chteniya*, 2018, vol. 13, pp. 457–461. DOI 10.24411/9999-001A-2018-10037]. (In Russ.)
46. Yelizhanina N.G. On the uniqueness of iconography in West Siberia. *Sibirskaya ikona.* Omsk, 1999, pp. 194–200. (In Russ.)
47. Kradin N.P. Russian wooden defense architecture. Moscow, Iskustvo, 1988, 142 p. (In Russ.)
48. Opolovnikova E.A. Russian fortresses in the Siberian Arctic. *Pamyatniki byta i khozyaistvennoe osvoenie Sibiri.* Novosibirsk, 1989, pp. 63–75. (In Russ.)
49. Mead J. From a gesture to a symbol. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': teksty.* Moscow: MGU, 1994, 456 p. (In Russ.)
50. Blumer H. Symbolic Interactionism. Perspective and method. New Jersey, 1969, 208 p.
51. Smith A.D. Cultural foundations of nations: hierarchy, covenant and republic. London, Blackwell Publ., 2008, 245 p.
52. Smith A.D. The ethnic origins of nations. Oxford, Blackwell Publ., 1986, 240 p.
53. Smith A.D. Ethno-symbolism and nationalism: a cultural approach. New York, Routledge, 2009, 184 p.
54. Mainicheva A.Yu. Ethno-symbolism: possibilities of use in ethnographic studies. *Kul'tura v evraziyskom prostranstve*, 2019, no. 1, pp. 16–17. (In Russ.)
55. Jung K.G., Von Franz M.L., Henderson J.L., Jacobi I., Jaffe A. Man and his symbols. Moscow, Serebryanye niti, 1997. 368 p. (In Russ.)
56. Khmilyar O.F. Symbol as a psychological code regulating the communication of a person. *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki*, 2014, no 35. pp. 97–106. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.02.2020

Дата рецензирования 27.02.2020

Статья принята к публикации 02.04.2020